

Торт от Ябеды-корябеды

Автор:

Дарья Донцова

Торт от Ябеды-корябеды

Дарья Аркадьевна Донцова

Виола Тараканова. В мире преступных страстей #51 Иронический детектив (Эксмо)

Виола Тараканова никогда не пройдет мимо чужой беды. Вот и сейчас она решила помочь совершенно посторонней женщине. В ресторане, где ужинали Вилка с мужем Степаном, к ним подошла незнакомка, бухнулась на колени и попросила помощи. Но ее выставила вон Нелли, жена владельца ресторана Вадима. Она сказала, что это была Валька Юркина – первая жена Вадима; дескать, та отравила тортом с ядом его мать и невестку. А теперь вернулась с зоны и ходит к ним. Юркина оказалась настойчивой: она подкараулила Вилку и Степана в подъезде их дома, умоляя ее выслушать. Ее якобы оклеветали, она никого не убивала... Детективы стали выяснять детали старой истории. Всех фигурантов дела нельзя было назвать белыми и пушистыми. А когда шаг за шагом сыщики вышли еще на целую серию подозрительных смертей, Виола впервые растерялась. Но лишь на мгновение. Ведь девиз Таракановой: «Если упала по дороге к цели, встань и иди. Не можешь встать? Ползи по направлению к цели».

Дарья Донцова – самый популярный и востребованный автор в нашей стране, любимица миллионов читателей. В России продано более 200 миллионов экземпляров ее книг.

Ее творчество наполняет сердца и души светом, оптимизмом, радостью, уверенностью в завтрашнем дне!

«Донцова невероятная работяга! Я не знаю ни одного другого писателя, который столько работал бы. Я отношусь к ней с уважением, как к образцу писательского трудолюбия. Женщины нуждаются в психологической поддержке и получают ее

от Донцовой. Я и сама в свое время прочла несколько романов Донцовой. Ее читают очень разные люди. И очень занятые бизнес-леди, чтобы на время выключить голову, и домохозяйки, у которых есть перерыв 15–20 минут между отвести-забрать детей». – Галина Юзефович, литературный критик

Дарья Аркадьевна Донцова

Торт от Ябеды-корябеды

© Донцова Д.А., 2022

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2023

Глава 1

– Писатель часто рассеян в быту, он способен потерять телефон, забыть про назначенную встречу, но всегда хорошо помнит дорогу в бухгалтерию, где ему выдают гонорар.

Полная дама, которая только что произнесла эти слова, посмотрела на меня.

– Вы согласны с данным утверждением?

Я улыбнулась. Зачем Иван попросил меня сегодня приехать в издательство? Зарецкий ничего толком не объяснил, обронил лишь фразу:

– Надо побеседовать с Милой, у нее интересное предложение.

И теперь я сижу в парадном кабинете Зарецкого, мило улыбаюсь незнакомой женщине и не понимаю, о каком проекте идет речь. Но если Иван принимает

посетительницу в комнате размером с аэродром, в которой стоит чудовищно дорогая мебель, то она не самый близкий ему человек. Друзей владелец издательства «Элефант» приглашает в свою рабочую комнату. Там нет шикарных диванов, кресел, письменного стола, который водружен на ножки в виде лап медведя. Зато имеется шкаф, в котором прячутся разные бутылки, шоколадные конфеты...

- Вы хорошо поняли суть? - спросила посетительница.

Принято считать, что правда лучше лжи, но я в течение дня вру раз двадцать, а то и больше. Сейчас время приближается к полудню, а я уже успела по полной программе нахитрить. Спустилась утром на первый этаж, увидела консьержку и заявила:

- Фаина Герасимовна, доброе утро. Вы прекрасно выглядите.

А теперь давайте разберем сказанное. Сначала с точки зрения правдивости.

На дворе холодный март, вроде весна началась, но ветер дует сильнее, чем в феврале, льет ледяной дождь, небо затянуто тучами, сыро, неуютно. Сегодня у меня полным-полно дел, а день начался с мелких неприятностей. Сначала у любимой сумки оторвалась ручка. Потом, собираясь в издательство, я уронила губную помаду, начала искать потерю и наступила на футляр. Крак! Во мне не тонна веса, но косметика погибла, я ее просто раздавила. Можно ли назвать сегодняшнее утро добрым? Вероятно, после обеда я найду на улице бриллиантовое кольцо, но пока дела идут не лучшим образом.

Вот вам первая ложь. Обратим внимание на вторую.

Нашей лифтерше не тридцать, не сорок и даже не шестьдесят лет. Ей бы спокойно проводить время дома, радоваться внукам, смотреть телевизор, пить чай с зефиром, а не сидеть в чужом подъезде. Но у Фаины сын, невестка, внуки. Родители строгие, детей не балуют, а бабуля их обожает, поэтому в своем преклонном возрасте работает, чтобы тайком совать ребятам конфеты. Выглядит старушка плохо, вот я ее и подбадриваю, лгу в глаза о том, как она чудесна. Но в случае с лифтершей вранье - из благих побуждений.

А вот Людмиле, так зовут полную даму, сейчас следует ответить честно.

Я помедлила секунду.

– Мне все ясно!

Гостя Ивана прищурилась и стала похожа на иллюстрацию к сказке «Колобок» – на ту, где изображена Лиса.

– Оцените мой проект!

– Чушь жуткая! – выпало из меня.

Вот, наконец-то, в кои-то веки проявила откровенность!

– Ваня! – возмутилась Людмила. – Ты слышал? Она меня оскорбила! Ухожу! А ты объясни ей, что предложение она не оценила по достоинству.

Выпалив фразу, госпожа Людмила Собкина убежала. И почему люди обижаются, когда им коротко, без долгих приседаний сообщают свое мнение?

И по какой причине посетительница обращается к Зарецкому «Ваня»?! Называть так главного книгоиздателя страны позволительно лишь очень узкому кругу людей, и я всех их хорошо знаю. А вот Людмилу Николаевну Собкину сегодня вижу впервые.

– Тебе просто невразумительно объяснили суть идеи, – спокойно отреагировал Зарецкий, – давай обсудим ее еще раз.

И я опять не поверила своим ушам. У Ивана непростой характер, настроение колеблется, как у подростка, меняется мгновенно. Беседуете с Зарецким, он мил, спокоен, а потом – раз! И в комнате – некто злой до крайности, он не желает слушать вас, отменяет любое предложение. На меня Иван никогда не гневается, ведет себя, словно дедушка с любимой внучкой. Если я и впрямь совершаю нечто чрезвычайно глупое, то Иван только вздыхает и советует:

– В следующий раз не принимай решение самостоятельно, спроси у Степана совета. Если Дмитриев в командировке, набери мне. Ты не сирота, есть около

тебя любящие умные люди.

Но надо отметить: неумение сопротивляться нападению раздражения у владельца издательства соседствует с отходчивостью и незлопамятностью.

Однажды Зарецкого в очередной раз при мне обуял гнев. Иван начал швыряться молниями в заведующего художественным отделом Антона, который не в добрый час принес боссу на утверждение обложку нового романа Яна Кранкина. Этот литератор любим читателями, но ленив, от него можно ждать одну любовную историю в два-три года. А еще мужчина – мастер поскандалить, поэтому Зарецкий лично проверяет все, что связано с изданием новых произведений писателя, который входит в круг его ближайших друзей.

Антон положил на стол вариант обложки.

– «Правило бегемота». Это, значит, название, – отметил начальник. – М-м-м. А кто у нас прямо в центр помещен?

– Бегемот, что логично, – отрапортовал Антоша.

Я глянула на рисунок и втянула голову в плечи.

– А по-моему, слон! – объявил босс. – Хобот при нем.

– Там должен находиться бегемот, – удивился Антон.

Зарецкий оперся ладонями о стол, открыл рот...

Цитировать его речь сейчас не стану. Когда Антоша удрал, я поставила перед своим другом стакан воды и поинтересовалась:

– Зачем так гневаться по пустякам?

– Он припер обложку со слоном на книгу про бегемота, – зашипел Иван.

- Ошибку легко исправить, - улыбнулась я, - а твое давление сейчас взлетело под облака!

Зарецкий стукнул кулаком по столу.

- Приходится работать с идиотами! Выгоню дурака прямо сейчас!

Спустя пять минут волна злобы схлынула, Иван схватил телефон.

- Антон!

- Не надо его лишать работы, - попросила я.

Зарецкий отмахнулся от меня, как от мухи.

- Убери слона, нарисуй бегемота.

- Уже сделал! - завопила трубка. - Босс, не сердитесь! Приходится работать с идиотами! Недоглядел!

- Как я тебя понимаю, - засмеялся Зарецкий. - Забеги в свободную минутку - угощу лучшим арманьяком.

- Несусь! - обрадовался Тоша.

Мне оставалось только тихо посмеяться. Иван напоминает слона, который, впад в безудержную ярость, садился на того, кто, сам того не желая, доводил его до истерики, а потом начинал испытывать муки совести, оплачивал роскошные похороны и шикарные поминки для погибшего.

Но Людмила Николаевна пришла с проектом, которому можно присудить золотую медаль в соревнованиях по глупости, а Зарецкий его одобрил, да еще пытается убедить меня принять участие в деле.

- Ты не поняла глубину идеи Милы, - завел Иван.

– Прекрасно поняла, что к чему, – возразила я. – Дама хочет заработать. Она владеет фитнес-клубом, заведение не пользуется популярностью...

– Потому что там стандартный набор услуг, – перебил Иван, – тренажеры, баня, СПА-салон.

– Что еще может иметься в фитнес-клубе? – удивилась я. – Вряд ли там уместен кружок кройки, шитья и вязания!

– Нет, – засмеялся Зарецкий. – А вот новое направление занятий очень даже кстати! Гениальная задумка. Большинство клиентов не любят напрягаться. Один раз позанимались, побегали, поприседали, наутро все тело болит. А ну его, этот фитнес. Мила придумала лежачие занятия. Человек удобно устраивается на мягком ложе, звучит тихая музыка, тренер работает только с одним посетителем...

Глава 2

Понятное дело, я все рассказала мужу. Степан отложил вилку.

– Не понял! Посетитель спит?

– Вроде того, – кивнула я, накалывая на вилку кусок цветной капусты. – Тренер ему руки-ноги поднимает, сгибает-разгибает.

Муж рассмеялся.

– Бред.

– Зарецкий посчитал идею гениальной. Но самое интересное ты пока не услышал. К Людмиле ходит народ, кое-кто в восторге от лежачих занятий. Наверное, людям просто хочется отдохнуть, а у замужней женщины мало шансов поваляться у телевизора, придя домой после рабочего дня. У нее начинается вторая смена, домашняя: готовка еды, уроки с ребенком, уборка, стирка.

- Можно суету перенести на выходные, - возразил Степан, - а поесть в ресторане.

Я улыбнулась.

- Ты мне сейчас напомнил Марию-Антуанетту, королеву Франции. Она спросила: «Почему бунтует народ?» Ей ответили, что у людей нет хлеба. «Пусть едят пирожные», - посоветовала супруга Людовика Шестнадцатого. Мало кто в наши дни способен каждый день посещать рестораны, пусть даже с самыми демократичными ценами. И на фитнес не всегда силы найдутся. А вот лежачий вариант очень подходит. Отдохнула часок - и за домашнюю работу.

- И при чем здесь ты? - не понял Степан.

- Реклама спортивной одежды, - объяснила я. - Людмила сама ее разработала. Мне заплатят за то, что посплю в какой-то особой обуви и форме. Кроме того, Собкина расскажет о моей новой книге. Она очень активна в соцсетях, почти миллион подписчиков «ВКонтакте».

- Реклама - двигатель торговли, - засмеялся супруг.

- Вы Дмитриев? - раздался за моей спиной тихий детский голосок.

Я обернулась и увидела худенькую, если не сказать тощую, женщину в серой куртке.

- Да, - ответил Степан.

В ту же секунду незнакомка упала на колени и заплакала:

- Помогите!

В нашем любимом маленьком ресторанчике, который находится рядом с домом, как правило, мало посетителей, а сегодня мы с мужем оказались в зале вообще вдвоем. Но в ту минуту, когда тетушка рухнула на пол, из кухни вышла Нелли.

Заведение, где мы сейчас сидим – семейное предприятие. Владелец Вадим готовит, а жена его, Нелли – многорукая богиня. Она официантка, бармен, уборщица, кондитер, а еще психотерапевт для постоянных посетителей. Она умеет держать язык за зубами, поэтому те, кто регулярно заглядывает сюда, порой плачут у женщины на груди. Несколько раз я, забежав перекусить, видела, как Нелли уводит в рабочее помещение кого-то всхлипывающего.

– Встаньте, пожалуйста, – попросил Степан и попытался поднять незнакомку.

– Поклянись, что поможете, – зашептала та, – пожалуйста.

– Нельзя бросаться подобными обещаниями, если понятия не имеешь, о чем тебя попросят, – неожиданно звонко произнесла Нелли.

Мы со Степаном быстро переглянулись. Похоже, нам в головы пришла одна мысль: Нелли Ефимова знает посетительницу. До сих пор она ни разу не вмешивалась в чужие дела и разговоры.

Женщина встала и прижала руки к груди.

– Меня посадили, а я ничего плохого не сделала.

Степан взял стул от соседнего столика, придвинул его к нашему и вежливо попросил:

– Присаживайтесь.

– Вы поможете, – сделала неправильный вывод незнакомка, опускаясь на сиденье.

– Пока ничего не могу обещать, – спокойно отозвался Степан. – Как вы узнали, где мы ужинаем?

– Шла за вами от того дома, где вы работаете, – всхлипнула странная посетительница.

Нелли подошла к незнакомке.

- Врать ты, мадам, горазда.

- Мы знакомы? - прошептала женщина.

- Валька Юркина, хорош комедию ломать, - велела Ефимова.

Потом она повернулась к нам.

- Перед вами первая жена Вадима. Милый, иди сюда!

Занавеска, которая отделяла зал от служебных помещений, чуть отодвинулась, и появился повар.

- Что не так? Здравсти, Вилка и Степан Валерьевич.

- Глянь, кто здесь, - велела жена.

Вадим начал озираться.

- Где?

- Ох уж эти мужики, - фыркнула Нелли. - Около Степана Валерьевича кто сидит?

- Вилка, - пробормотал повар.

- Слева!

- Женщина, - кивнул Вадим, - сразу не заметил.

- И почему меня это не удивляет? - закатила глаза супруга. - Глянь на нее внимательно.

- Валька, - попятился Ефимов, - ты откуда?

Женщина опустила голову и не ответила.

- Оттуда! - воскликнула вместо нее Нелли. - Зря прикатила. Тебе тут ничего не светит.

- А где Рома и Настенька? - прошептала посетительница. - Николай Петрович?

- Ха! Вспомнила! - развеселилась Нелли. - Старший Ефимов умер, Роман с дочкой уехали. Думаешь, приятно жить в апартаментах, где такое случилось?

- Какое? - быстро осведомилась я.

Вадим молча развернулся и ушел.

Валентина закрыла лицо ладонями.

- Что мне делать?

- Сваливать отсюда побыстрее, - живо посоветовала Нелли. - У нас места только для клиентов. Просто так в парке на скамейке сидят, а в кафе заказ делают.

- Можно чаю, горячего? - прошептала Валентина. - Продрогла до костей.

- Тебе нельзя, - отрезала Нелли.

Валентина вскочила и убежала.

- Кто она такая? - осведомился Степан.

- У Вадика есть брат Роман, - начала излагать историю Нелли, - разница в возрасте у них два года. Мы все местные, центровые - раньше так называли тех, кто в центре Москвы родился и жил. Мы с Вадиком в одном классе учились, у нас с ним любовь была крепкая. Планировали получить нужное образование и пожениться. А потом Валентина в наш район переехала. У нее отец вроде военный, где-то служил, потом получил должность в столице, поселился тут. Рома женился на Лене, у них дочка родилась. А Валька прямо на шею Вадиду вешаться пыталась. Меня родители строго воспитали - до свадьбы никакой постели, вот поставят штамп в паспорте, тогда и развлекайся. Поэтому

я Вадюшке разрешала себя только в щечку целовать. А Валентина его по полной обслужила. Смотрю, начал мой Вадик с Юркиной трали-вали. Мне, конечно, сразу нашептали, я у жениха спросила, правду ли про них с Валентиной болтают. Вадюшка признался: «Было один раз, бес попутал. Я только тебя люблю».

Нелли отвернулась к окну.

– Это мне потом жизнь копыта обточила, прощать научила, а тогда я была прямо железо несгибаемое. Выгнала Вадика. Не нужен парень, который налево сворачивает. Лена, супруга Романа, уговаривала: «Неличка, прости Вадюшку. Ну, дурак он. Всего разок он с Валькой того самого. И у меня подозрение, что она какую-то дрянь в жратву ему подсыпала. Когда ты правду узнала, я поинтересовалась у брата мужа: «Неужели Валентина так уж в постели хороша? И характер у нее что, ангельский?» А он ответил: «Ничего про постель не скажу. Выпили мы, проснулись на одном матрасе. Но я люблю Нелли. Не пойму, как с Валькой под одеялом оказался».

Нелли нахмурилась.

– Потом Юркина объявила о своей беременности. Вадик как порядочный человек на ней женился. Я к метро начала кружным путем ходить – боялась на Ефимова наткнуться. Бог миловал, не встречались мы. Время шло, по нашим улицам слухи летали. Ребенок у Вальки не родился, выкидыш случился. Жила пара не очень хорошо. Один раз налетела в магазине на Зинаиду, мать Вадика и Ромы, она меня увидела, кинулась обнимать: «Деточка, как же ты Вадюшку упустила? Женился сын на обезьяне. Ленивая, ничего по дому делать не желает, на работу не устраивается, с Леной вечно скандалит, на Николая Петровича огрызается. Не о такой невестке я мечтала. Капаю, капаю Ваде на мозг: “Гони стерву, женись на Нелли, она тебя ждет”. Но сын только зубами скрипит». Зинаида славилась тяжелым характером. Она меня не любила, пыталась от своего старшего сына отвадить. Да видно, Валька ей поперек горла совсем встала, вот я хорошей и показалась. Когда Вадя женился, я училась в кулинарном техникуме, потом оттачивала мастерство кондитера в одной из лучших кулинарных школ Москвы. Большие деньги отдала. И только получив все дипломы, сняла кухню и начала печь пирожные, торты на заказ, набрала клиентов. Вадик, кстати, тоже шикарный кулинар, но ему больше нравится работать с супами, мясом, салатами. Кондитерка – не его радость. Но если надо, сделает любой торт отлично. Ну, значит, живет Вадик с Валькой, а я одна, потому что Ефимова люблю, хорошо зарабатываю. И узнаю новость: Валентина тоже в кондитеры подалась, дома

работает. Вот никогда не покупайте то, что в квартире состряпано. Чаще всего там все санитарно-гигиенические нормы нарушены. Валька их не соблюдала, похоже. Она сделала Зинаиде Яковлевне на день рождения торт.

Нелли перевела дух и заговорила тише.

– Никого не осуждаю, просто правду рассказываю. Мать Вадика и Ленка, жена Ромы – вот они обе не были худенькие, а совсем даже наоборот. А уж сладкое и выпечку как любили! Всегда готовы были полакомиться. У Зинаиды, значит, день рождения, семья его отмечала в ресторанчике, который потом Вадик купил. Вот в этом, где мы сейчас находимся. Только в тот год Вадюша там просто у плиты стоял за зарплату, а я работала официанткой. Тяжело мне с ним было в одном заведении крутиться, но место кондитера только здесь нашлось. Погуляли Ефимовы в ресторанчике, домой ушли. Все хорошо. Правда, небольшая фигня вышла. Пришли в ресторан Лизка Бирюкова и Тамарка Коркина. Обе – подружки Лены, когда-то в одном классе учились. Они тут неподалеку живут. Хотели пожрать, им объяснили: заведение закрыто для проведения мероприятия. Что непонятного? Так нет, начали права качать, в зал влезли – еле от нахалок избавились! А в остальном все чудесненько. Ушли Ефимовы довольные, и мы тоже разбежались. Утром проснулась, выхожу на улицу, а у подъезда, где Юркины живут, «скорая» стоит, вокруг какие-то мужики толпятся, полицейские, врачи, санитары. У меня сердце екнуло. И что выяснилось?

Глава 3

Нелли опустилась на стул.

– Ночью умерли Лена и тетя Зина. Следствие установило, что их убили одинаково – угостили тортом со средством, которым крыс травят. Начали искать, кто же такое придумал, и поняли – Валентина. Не помню подробности, не знаю, как полицейским ясно стало, что жена старшего брата постаралась. Задержали бабу, а потом, после суда, отправили Вальку куда подальше. Родители ее квартиру вмиг по дешевке продали, поторопились уехать. Куда направились, не знаю, да и не интересно. Весь наш микрорайон на похороны пришел. Нельзя сказать, что тетю Зину прямо все очень любили, и к Ленусе тоже по-разному относились, но смерть все конфликты закрывает. Сначала в храме их отпели.

Роман там сознание потерял, упал во время панихиды. Потом в крематории Вадим ко мне подошел, зашептал: «Неличка, прости, тебя одну люблю, Валька приворот сделала». И Светка Кукушкина тут как тут, подпевает: «Точно, точно, Валька черные куриные перья на перекресток кидала. Видела своими глазами». Я по сторонам посмотрела, жалость в горло вцепилась. Вадик старается держаться. Роман на ногах не стоит, сидит в углу. Дядя Коля, отец их, сам как покойник. А Кукушкина разоряется во весь голос: «Тварь Вальку задержали, надо потребовать расстрелять ее». Никто порядок не наводит, а наша очередь на кремацию не подходит. Что делать? Подошла к Светке-крикунье, велела ей домой катиться. Роману капель принесла, дядю Колю водой напоила, организовала выступления людей, чтобы хорошее о покойных сказали. Если кто Валентину начинал упоминать, я его сразу затыкала. На поминках всех обошла, строго предупредила: «Кто имя убийцы помянет, вмиг огребет и вон отправится». На следующий день Рома и Вадим пришли, поблагодарили. Младший брат объявил: «Мы с Настей уедем в среду. Не хочу, чтобы девочке кто-нибудь про убийцу матери сообщил. Она еще маленькая, ничего не понимает, но ведь подрастает. Навру дочке, что родительница от болезни умерла, и попытаюсь жизнь заново начать, подальше от столицы. Москва никогда не нравилась, суматошный город». Вадик мне предложение сделал. А я что? Я его как любила, так и люблю. Вот и вся история. У мужа квартира своя, хорошая, мы в ней живем. У меня от родителей трешка. Сдавали ее несколько лет, деньги копили, мечтали кафе открыть. И повезло – здесь, где мы сейчас сидим, сначала кафе работало – в нем Ефимова перед смертью день рождения справила, – потом хозяин его продал Ибрагиму. Тот шаурму вертел, да ему пришлось домой вернуться. Он нам по-соседски скидку сделал. Как раз собранных денег хватило. Так вот и стали владельцами рестораника. Все у нас с мужем отлично. И нате! Валька вернулась из заключения. И что теперь делать? Жилья у нее нет. Родители уехали. Вроде в Мурманск отправились. Юркина, считайте, бомж. Захочет у бывшего мужа часть квартиры потребовать! Зинаида Яковлевна умерла, когда Вадик еще с Валентиной жил, развод он оформил после того, как супругу арестовали. Как нам себя вести?

– Живите, как жили, – ответил Степан. – Убийца не имеет права наследовать имущество того, кого лишил жизни. На квартиру, в которой обитаете, уголовница прав не имеет, на ваш ресторан тем более.

– Ну спасибо! – обрадовалась Нелли.

Мы попрощались с кондитершей, получили от нее в подарок коробку с эклерами и вышли на улицу.

- Давай погуляем, - предложил Степан, накидывая на голову капюшон, - посидим в парке, мороженое съедим.

И тут что есть силы дунул ледяной ветер. Я вцепилась в мужа.

- Слопать эскимо - замечательная идея, но лучше дома выпьем горячего чаю и съедим эклерчики.

- Спорить с женой разумно только в принципиальных вопросах, - засмеялся Степан, - во всех остальных лучше соглашаться.

Мы вошли в подъезд и увидели консьержку.

- Фаина Герасимовна! - удивился муж. - Почему домой не идете?

- Плохо себя чувствуете? - насторожилась я.

- Нет, все нормально, - успокоила меня лифтерша. - Римма Михайловна попросила задержаться. Они с мужем в театр пошли, мне поручили с Клепой погулять, потом покормить собачку. Она такая милая. И денежка нужна.

- Клепа симпатичная, - согласился Степан.

Когда мы поднялись на свой этаж, мой нос ощутил запах совсем недорогих, но на редкость стойких духов «Ночной букет». Я пользуюсь парфюмом лишь в особых случаях и не люблю такие навязчивые ароматы, но с этим хорошо знакома - им пользуется Марина, главный бухгалтер благотворительного фонда помощи невинно осужденным, который создал Дмитриев. Я всегда знаю, что она заходила к Степану - запах в кабинете мужа висит долго, - но вряд ли на лестнице сейчас побывала главбух.

Я сделала шаг вперед, и тут раздалось тихое:

- Добрый вечер.

Муж быстро задвинул меня спиной в угол, встал впереди и громко спросил:

- Кто здесь?

Из другого, темного угла вышла знакомая фигура.

- Я.

- Еще раз здравствуйте, - пробормотала я. - Валентина, как вы попали в наш дом?

- Просто вошла, - прошептала женщина.

- Маленькое вранье губит хорошие отношения, - произнес Степан. - Вас впустила Фаина Герасимовна. Ведь так?

- Нет, - возразила Валентина, - в подъезде никого не было. Я знала, где вы живете, ждала на улице. Какой-то мужчина позвонил в домофон. Его впустили, я с ним вошла. Снаружи очень холодно. Продрогла. Пожалуйста, выслушайте меня.

- Уже знаем вашу историю, - ответил Степан.

Я стояла молча, слушала диалог.

- Поговорили с Нелли и Вадиком? - уточнила Валентина. - Вы выслушали одну сторону. Но надо же узнать, что сообщит вторая.

- Слово «надо» в данной ситуации неуместно, - отрезал Дмитриев, - оно произносится только в том случае, если мы беремся за дело.

- Когда-то и вас оклеветали, - вдруг воскликнула Валентина, - все поверили, что вы бандит, каких мало.

- Ладно, - неожиданно согласился мой муж, протягивая Юркиной визитку. - Завтра в девять утра приезжайте в офис.

- Спасибо! - обрадовалась Валентина. - Спасибо, спасибо, прямо спасибище!

Степан открыл дверь в квартиру, мы вошли внутрь.

- Смотрим на экран, - быстро произнес муж.

Я повернула голову к камере, которая показывает, что происходит на лестнице. Валентина сняла рюкзачок, вытащила из него тонкий плед, постелила около батареи, села, привалилась к стене.

- Она собралась спать на лестнице, - отметил Степан. - Похоже, ей такое не впервые.

Послышался знакомый звук.

- Лифт ожил, - улыбнулся муж. - Сейчас он затормозит на нашем этаже, увидим Фаину Герасимовну.

И точно. Консьержка подошла к Валентине.

- Ты как?

- Спасибо, тетя Фая, прекрасно, - улыбнулась Юркина. - Тепло здесь.

- Пошли ко мне, - предложила старушка.

- Лучше тут переночую. Я привыкла, здесь комфортно, - возразила Валентина.

- Глупости, - рассердилась лифтерша. - На полу жестко. И я тебя не домой зову. Оборудовала себе спальню в подвале. У меня там диван и раскладное кресло. Пошли, не кривляйся, мы ведь не чужие. Я же тебе родня по матери. Поднимайся. Зарплату сегодня дали, решила себя побаловать, купила вафли «Лесная быль». Взяла по скидке, три четверти от цены срезали. Срок годности у вафель прошел, чуть подсохли. Не побрезгуешь?

- Такие еще больше люблю, - повеселела Валя, вставая. - Чаю выпью, если есть.

– Как не быть, – обрадовалась Фаина. – Пошли, роднулечка. О моей квартирке внизу никто не знает. Можешь там пожить, пока правда не всплывет.

– Надежда на это почти растаяла, – призналась Юркина, аккуратно складывая плед.

– Всегда следует надеяться на лучшее. Зина была плохим, злым человеком, – нахмурилась Фаина Вольская.

– Я с ней не ругалась, – пожала плечами женщина. – Мы с Вадимом нормально жили. На зоне много времени имелось для размышлений. Скорее всего, свекровь отравил кто-то из тех, кто ее услугами пользовался.

Консьержка ткнула пальцем в кнопку вызова лифта.

– Ты в отца пошла, тот тоже блаженный. Вечно пострадать рад. По мне, так если есть хоть маленькая зацепочка, чтобы свою невиноватость доказать, то ее необходимо использовать.

– Именно это и пытаюсь сделать. Но для достижения цели не все средства хороши.

Глава 4

– Пошли в подвал? – предложил Степан. – Посмотрим, как там устроилась Фаина Герасимовна.

– Переменил свое мнение о Валентине? – уточнила я, когда мы вошли в лифт.

– Ранее не имел его, – объяснил муж, – просто наблюдал, как она реагирует на то, что ей отказывают. И постепенно начал складываться ее психологический портрет. Стало ясно: женщина умеет держать удар. Не отвечает хамством на плохое отношение к себе. Если ее обидели, не оттопыривает губу, не плачет, не канючит, не жалуется на жизнь. Смирненно переносит бытовые неудобства.

Радуется, что с помощью пледа может сидеть на лестничной клетке, на полу. Не кланчит еду, хотя, скорее всего, голодная. Знает некую, похоже, негативную информацию о покойной свекрови, но не хочет ее сообщать.

Мы вышли из подъемника, начали спускаться по лестнице, которая ведет в подвал.

Некоторое время назад мы с мужем переехали в квартиру, которая расположена в так называемом «сталинском» доме. Нам удалось совершить выгодный обмен. Пожилая пара, которая владела апартаментами, хотела гулять в парке, дышать свежим воздухом, а жизнь в центре для них дорогая. Мы доплатили пенсионерам хорошую сумму, перебрались в другой дом и узнали, что нам еще принадлежит кладовка на минус первом этаже. Здание возводилось в тридцатые годы прошлого века, СССР тогда всерьез готовился к атомной войне. Поэтому во всех тогдашних постройках до сих пор имеются убежища.

Мы прошли по широкому проходу, увидели дверь, из-под которой пробивался луч света. Степан дернул за ручку, створка открылась.

Перед нами предстало небольшое помещение без окна. У одной стены притулился диван, накрытый пледом, у другой стояли стол и стул, впритык к третьей громоздилось кресло. В углу белел холодильник «Морозко». Возле него стояла этажерка с какими-то пакетами, СВЧ-печкой, чайником. На всех стенах висели ковры, на полу тоже лежал один. Вещи, которые находились в подвале, были не новые, но чистые. Комнатка походила на юрту, в ней оказалось тепло, тихо и уютно.

- Ой! - испугалась Фаина, которая сидела в кресле. - Как вы нас нашли?

- Спустились по лестнице, - спокойно объяснил Степан.

Консьержка умоляюще сложила руки.

- Пожалуйста, умоляю, не выдавайте меня! Когда уйду на работу, всегда вынимаю из розеток все электроприборы. Дома жить не могу - сын меня выгнал. Вилка, садитесь на диван.

Я молча устроилась на софе.

- Не выдавайте меня, - твердила Фаина.

Валентина сидела молча.

- Вафли «Лесная быль», - потер руки Степан, - люблю их с детства. Чайком угостите?

- Конечно, - кивнула лифтерша.

- У вас здесь уютно, - продолжил мой муж, - но дома, в своей квартире, лучше. Почему не сказали мне, что у вас с сыном разлад?

- Ну... - забормотала Фаина, - ну... вот... Господь терпел и нам велел. Смиряться следует.

- Разберусь, - коротко пообещал Степан. - Смирение - хорошая штука. Но хамам и грубиянам оно тоже необходимо. Вы родственницы?

Валентина молча кивнула, Фаина Герасимовна пустилась в объяснения.

- У моего мужа была двоюродная сестра, Екатерина Андреевна. Неподалеку от дома, где мы с вами сейчас сидим, храм стоит. Он даже при советской власти не закрывался. Супруг мой там - церковный староста, Катя на клиросе читала, я в хоре пела. Супруг Катюни - диакон. Долго им Господь детей не посылал, а потом, когда Катерине за сорок перевалило, Валя родилась. Чудо прямо! Хорошая девочка получилась. Родители мечтали, что она женой священника станет, отправили учиться в медучилище. Очень хорошо для батюшки, если матушка у него регент, учительница, медсестра. Да получилось иначе. Я во всем виновата.

- Тетя Фая, не бери на себя чужой крест, - тихо произнесла Валентина, потом исподлобья посмотрела на меня. - Разрешите, расскажу, как дело обстояло?

- Начинайте, - ответил за меня Степан.

Валентина обхватила ладонями чашку.

– Мама моя окончила семь классов, работала почтальоном, убирала чужие квартиры. Я ей помогала. Мы раз в неделю ходили к Ефимовым. Зинаида Яковлевна в универмаге главным бухгалтером служила. Николай Петрович заведовал автобазой. Два сына у них, Роман и Вадим. Церковь никто из них не посещал, в квартире ни одной иконы, никаких книг православных. Зато аж два телевизора. Ну, совсем мы разные. Зинаида была главной в доме.

– Атаман прямо, – добавила Фаина, – все должно идти, как она решила. Муж права голоса не имел, сыновья тем более. Гостей она не звала, только нас с Вале́й. Нас она выделила потому, что в церковь ходим.

– Сама без креста ходила, но понимала: воровать и сплетничать не станем, – добавила Валя. – Потом тетя Фая заболела, в больницу попала. Одна я стала убирать апартаменты. Зинаиде вся лестничная клетка принадлежала, три квартиры были оформлены, одна на нее, две на сыновей. В одиночку быстро такие хоромы не убрать. Задерживаться начала. В первую очередь приводила в порядок ту, где жили Зина с Николаем, потом жилище Романа и Лены. Трешка Вадима была последней. Понравился мне парень, а про то, что он с Нелли связан, не знала. Я про девушку даже не слышала, иначе сразу бы от Ефимовых ушла. Если мужчина занят, аморально с ним кокетничать. Но Вадик вел себя как свободный человек, комплименты делал, конфеты дарил. Я была молодая, неопытная, никогда на свидание не ходила. Влюбилась в сына Ефимовой по уши! Он это, конечно, понял, попытался меня в постель затащить. Объяснила ему: «До свадьбы – никаких отношений». Он сначала смеялся, потом понял, что говорю всерьез, и предложил расписаться. Я его без ума любила, но объяснила: «Без венчания никак». Он согласился, только попросил все проверить тайно – мать никогда не позволит сыну жениться на нищей. А если распишемся, то куда ей деваться!

Рассказчица опустила голову.

– И эта глупышка поверила парню, – вздохнула Фаина. – Сбегали они в ЗАГС, потом, радостные, Зинаиде свидетельство показали. Свекровь схватила новоиспеченную невестку за волосы, в помойное ведро лицом ткнула... Скандал закатила! Даже я бы ушла сразу.

– Господь за страдания награждает, – произнесла Валя. – И я очень Вадика любила. Решила Зинаиде Яковлевне понравиться. Из всех сил пыталась ей угодить, а той все плохо. Назову «мамой», а в ответ летит: «Я тебе Зинаида Яковлевна, у меня такое чмо, как ты, родиться не могло». Приготовлю что повкуснее, Зина все съест и скажет: «Ну и дерьмо! Желудок заболел». Дядя Коля, Роман, Лена шепотом меня хвалили, боялись, вдруг Зина услышит, перестанет давать деньги тому, кто посмел мне хорошее слово сказать. Цель у свекрови была: довести нашу пару до развода. Она не понимала: брак венчаный, его не порушить.

Глава 5

Валентина сложила руки на коленях.

– Торт я пекла в подарок, очень старалась. У Зинаиды юбилей был, она в том кафе, которое сейчас Нелли и Вадика принадлежит, решила устроить праздник. Пришли только свои, из чужих никого не было. Чай не заказывали. Мой торт у нее дома стоял.

Валя посмотрела на Фаину.

– Я приглашение не получила, – уточнила та, – звали только членов семьи.

– Разошлись все в девять вечера, – продолжила Валя. – Хозяин помещение сдавал на два часа бесплатно при условии, что закажете у него еду. Поэтому без чая-кофе обошлись, на них дармового времени не хватило.

Валентина съежилась.

– Мы с Вадимом в его квартиру ушли, не знали, что у других творится. Потом уж объяснили: Зинаида и Лена тортом угостились. И умерли вскоре. Полиция разбираться стала, увезли меня в каталажку.

Она замолчала.

– Вы сказали Фаине Герасимовне, что Зинаида Яковлевна оказывала какие-то услуги и могла погибнуть из-за них. О чем шла речь? – спросила я.

Валя отвернулась к двери.

– И как вы меня услышали? Никто рядом не стоял. Ладно, расскажу. В доме, где Ефимовы до сих пор живут, есть подвал, точь-в-точь как этот. Зинаида там клиентов принимала. А к кому бежать, если хочешь ребенка в институт пристроить, больного к хорошему врачу направить, работу найти?

– В доинтернетные времена через знакомых искали, – улыбнулась я. – Но и сейчас лучше связи свои тормозить – в сети легко на жуликов нарваться.

– Какие связи, например, у меня? – засмеялась Валя. – Сама убогая, дружу с такими же. А у Зины везде все было схвачено. Клиенты шли к Ефимовой, та их сводила с нужными людьми. Не бесплатно. Нет, денег она не брала. С валютой не связывалась – статья за нее в Уголовном кодексе. Любила ювелирные изделия, старинные. У вас в глазах вопрос, откуда я все знаю. Представьте, зима на дворе или осень. Снег, дождь, грязь. У Зинаиды выходной. Она мне велит убрать, постирать, оденется, как на службу, и уйдет. Через пару часов вернется. Ботинки чистые, шуба не мокрая. Сразу понятно, из подъезда даже не выглядывала. Один раз возвращаюсь из магазина, стою, лифт жду, а из-за шахты выплывает свекровь. Прямо посинела, когда меня увидела, заорала: «Следишь за мной?!» И давай материться. Ответила ей: «Вы велели молоко, масло, хлеб купить. Я в магазин бегала». Она тон сбавила: «Чего тогда здесь пасешься?» Объяснила без обиды: «Лифт жду». И тут кабина приехала. Свекровь меня отпихнула: «Молодая, здоровая – пешком ходи. Задница поменьше станет, а то с табуретки окорока свешиваются». И уехала.

Степан отодвинул пустую кружку.

– Вы пошли посмотреть, что в подвале?

– Девочка мне об этой встрече рассказала, – откликнулась Фаина, – удивлялась: «Зачем свекровь в бомбоубежище ходила? Теперь понятно, почему она с грязной улицы порой в сухой, чистой обуви возвращается!» Любопытство на меня напало, через пару дней подбила Валю спуститься в подвал. Каморки закрытые у всех, народ там всякое-разное хранит. Не знали, какая Ефимовым принадлежит.

И вдруг голоса.

– Мы испугались, – промямлила Валентина, – в конец коридора удрали, где света нет. Стоим молча.

– Видим, кто-то с фонариком идет, голос Зинки раздался, – перебила Юркину Вольская, – сердито так говорит: «Не обязана вас у метро встречать. В другой раз на подобную услугу не рассчитывайте. Или оплачивайте мое время». Потом тихо стало. Выяснилось, куда они вошли.

Фаина запричитала:

– Я некрасиво себя повела, подкралась к створке, подслушала, о чем болтают. Какая-то женщина просила Зинаиду, чтобы та развела ее сына с невесткой. Якобы шлюха та. Ефимова цену назвала и объяснила: «За вашей шалавой начнет ухаживать красавчик. В кино водить, в театр, конфеты будет покупать. Чеки сохранит, расходы ему оплатите. Когда у них дело до главного дойдет, я вам сообщу адрес и время. А вы уж постарайтесь, чтобы сын парочку застукал». Баба на все согласилась. И тут топот! Опять мы в дальний конец метнулись. – Фаина засмеялась. – Едва успели притаиться, мужик вбегает, влетает к Зинке. Дверь не закрыл, из нее баба вынеслась и – фьють! Исчезла. А из комнаты ор! Да матом! Зинка в ответ нецензурно. Грохот, стук, мужчина в коридор вышел, дверь ногой пнул. Ба-бах! Захлопнулась. Он на створку плюнул: «Запомни, ..., ..., Илью Самсонова! Я тебя убью!» Узнала его – в сорок третьей квартире в соседнем доме жил и по сию пору живет. Я в секунду поняла: вот кто ему устроил развод.

– Развод? – повторила я.

– Верно, – кивнула Фаина. – Он тогда был гол как сокол, жил с мамой. Ничего, кроме большой квартиры, у них за душой не было. Анна Сергеевна Самсонова работала нянечкой в детском саду. Илья был хорошим мальчиком, медаль золотую в школе заработал, захотел поступить в МГИМО – вон какое дерево срубить нацелился. И ведь удалось ему! Приняли, бесплатно учился. Ну и познакомился на пятом курсе с девушкой, которая на золоте ела, в золоте ходила, в золоте жила. Сыграли свадьбу. Несколько лет они прожили, и потом развод случился. Когда Илья явился Зину громить, я поняла: небось, Ефимова к разрыву причастна.

– После смерти Зинаиды, еще до приезда «скорой», Николай Петрович в тазу в ванной сжег какие-то бумаги, – сообщила Валентина. – Наверное, в них много тайн имелось. Честное слово, я не подсыпала крысиную отраву в торт. Очень Вадика любила, хотела с ним до смерти прожить, ради этого старалась привыкнуть к Зинаиде Яковлевне. Меня оклеветали. Кто? Не знаю. Даже предположений нет. Кому я могла дорогу перейти? Зина темные делишки проворачивала, вот с ней и разобрались. А меня попросту подставили. Ладно. Расскажу правду, но в нее никто никогда не поверит. Не начинала я торт ядом от крыс, впрыснула в него слабительное.

– Что? – удивился Степан.

– Капли от запора, – прошептала Валентина. – Зинаида меня довела своими придирками. Вот и решила ей мелкую пакость сделать. Свекровь каждый вечер перед сном обжиралась пирожными. Поэтому я хорошо знала: Ефимова от тортика не откажется. Ну и прилипнет потом к унитазу. Пустячок, а мне приятно!

– Почему вы об этом не рассказали следователю? – удивилась я.

– Попыталась правду доложить, а он договорить не дал, – заныла Юркина, – заткнул просто словами: «Экспертиза обнаружила яд. Мой вам совет: сотрудничайте со следствием, тогда судья проявит снисхождение».

Фаина молитвенно сложила ладони.

– Степан Валерьевич, помогите Вале. Поверьте, Юркина никогда нитку чужую не возьмет. Преступник ее использовал, от себя подозрения отвел. Все наши, кто еще эту историю про торт помнит, считают Валу убийцей. Квартиры у нее нет, родители жилье продали, уехали. То, что дочь бомжихой станет, их не волновало. Я ей верю, не травила Юркина свекровь. Восстановите доброе имя невинно осужденной. Только денег у нас нет. Совсем. Я хоть и пожилая, но на руки-ноги скорая. Могу у вас домработницей послужить, готовлю хорошо.

– Детективное бюро нашего агентства работает бесплатно, – объяснил Степан. – Валя, почему вы ничего полиции не рассказали?

– Христос на допросе у Понтия Пилата молчал, – прошептала женщина. – Значит, и православным оправдываться не следует.

Я заморгала. Степан поднялся.

– Уважаю верующих людей. Моя мама в церковь ходила. Меня, правда, не водила. Я знаю, некоторые воцерковленные люди впадают в прелесть. Что она такое? Обманчивая святость, которая приправлена наивысшей формой лести самому себе. Человек полагает, что он самый праведный, совершенный, а на самом деле давно погибает в когтях гордыни. Валентина, помните, что Иисус ответил дьяволу, когда тот его в пустыне искушал? Нечистый Христа поставил на крыше храма и сказал: «Если ты Сын Божий, бросься отсюда вниз, спасут тебя» [1 - Евангелие от Луки 4:9,10. «Если Ты Сын Божий, бросься отсюда вниз. Ибо написано: Ангелом своим заповедает о Тебе сохранить Тебя».]. Точно не помню текст, но смысл таков. И Спаситель ему ответил: «Не искушай Господа Бога твоего». Вот так, Валентина! Ты себя с Иисусом не равняй! Просто подумай: тот, кто тебя виноватой в убийстве сделал, живет счастливо. Один раз ему подлость сошла с рук. Значит, он ее сможет повторить, да не один раз. Безнаказанность – мать последующих преступлений. Желаеть, чтобы какая-то девушка оказалась в твоём положении?

– Нет, – прошептала Валентина, – никогда.

– Тогда завтра ждем тебя в офисе, – договорил Степан.

И мы ушли.

Войдя в лифт, я спросила у мужа:

– Ты читал Библию?

– Было дело, – кивнул Степан. – В колонии, куда я попал, в библиотеке книг почти не имелось. Я Ветхий и Новый Заветы как сказки проглотил. Кое-что до сих пор помню. Вот и пригодилось, чтобы Валентину встряхнуть. А то у нее в голове что-то не так сложилось.

Глава 6

Над моим ухом запел комар. Не открывая глаз, я замахала рукой. Но противное насекомое не собиралось улетать, оно зудело, зудело, зудело. В конце концов пришлось сесть и посмотреть на будильник. Пять утра. Не знаю, как вы, а я очень радуюсь, когда вдруг просыпаюсь ночью и понимаю, что вставать рано, можно еще поспать несколько часов. Сегодня я собиралась вылезти из-под одеяла в восемь.

Комар перестал донимать, сейчас завернусь в одеяло...

И тут раздался звонок в дверь. В ту же секунду я сообразила: ну какие кровососы в марте? Кто-то хочет войти в квартиру, а я сквозь сон приняла трезвон за писк насекомого. Пришлось накинуть халат, всунуть ноги в тапки, доплестись до холла, глянуть на экран домофона.

Глаза увидели полную женщину с чемоданом и сумкой на колесах. Я осведомилась:

– Вы к кому?

– Степочка здесь живет? – задала вопрос незнакомка. – Дмитриев. Я его мама.

– Я хорошо знаю свою покойную свекровь, – возразила я, – вы точно не она.

– Не родная Степонец по крови, а крестная матушка, – уточнила женщина. – Позови мальчика. Скажи ему, тетя Мура приехала.

– Степан еще не встал.

– Так давно проснуться пора, – затараторила незваная гостья, – хозяйством заняться. Корова сама себя не подоит, курам жрать бросить надо. Чего он дрыхнет? А ну,пусти меня! Живо бездельника с постели скину! Ишь, взял моду до обеда кемарить, до полудня подушку давить!

Я вернулась в спальню и потрясла мужа.

– Милый, открой глаза.

– М-м-м, – промычал Степан и завернулся с головой в одеяло. – Который час?

– Семь минут шестого, – сообщила я.

– До восьми полно времени, – донеслось из-под перины.

И тут по квартире снова полетел звон. Степан сел.

– Кто там?

– К нам приехала твоя крестная, – объяснила я.

– Не понял, – удивился муж.

– Тетя Мура. Стоит за дверью, сердится, что ты корову не подоил, кур не покормил.

– Это розыгрыш? – засмеялся Степан. – До первого апреля еще далеко.

«Бух-бух-бух», – донеслось из прихожей.

– Наверное, тетя Мура ногами во входную дверь колотит, – предположила я.

Степан встал, пошагал в холл, распахнул створку.

– Ну, здравствуй, – сердито произнесла женщина, втаскивая в прихожую свой багаж. – Горазд ты дрыхнуть! Че, не узнал?

– Нет, – ответил мой муж.

– Вообще не удивилась, – вздохнула тетя Мура. – Когда ты в Хомяково последний раз заезжал?

- Куда? - не понял Степан.

- Туда! - вмиг обозлилась крестная. - Хомяково! Родина наша! Все Дмитриевы оттуда.

- А-а-а, - догадался Степан, - деревня, где моя прабабушка на свет появилась.

- Слава Богу, доперло, как до жирафа, - улыбнулась тетка. - Моя бабушка твоему деду по матери семиюродная племянница. Она давно померла. Мама моя вышла замуж за троюродного сына той семиюродной племянницы, за дядю Андрея. А я дочь его восьмой тетки от второго брака с шестой внучкой деда Онуфрия. Сообразил родство?

Степан шумно вздохнул и развел руками.

- Спозаранку мозг не сразу включается.

- Спозаранку? - переспросила тетя Мура. - Добрые люди уже пообедали! Ох уж эти москвичи! Лентяи!

Степан прищурил один глаз.

- Значит, вы вроде как крестная?

- Ага, - согласилась тетушка. - Мне мало лет было, когда тебя, младенца, в купель опускали. Папа сказал, что хорошо в родстве с городскими состоять. Если вдруг чего в гадкой столице понадобится, то будет где переночевать. И я стала твоей крестной! На всю жизнь теперь связаны.

- Момент своего крещения не помню, - признался муж, - о своей принадлежности к православию не задумывался до момента ухода из жизни мамы. После ее кончины начал вещи разбирать, нашел конверт. В нем мешочек крохотный, внутри крест на цепочке и письмо обнаружили. Мама сообщала, что возила меня крестить за тридевять земель - боялась, что на работе узнают о том, что она в Бога верит. Ее тогда с хорошей службы турнут, из Москвы выселят. Вот и провернула все тайно, в деревне, откуда моя прабабушка родом. Название села забыл, но письмо храню, посмотрю. В послании указано, кто моя

крестная мать. Подождите пару минут.

Муж ушел, мы с тетей Мурой остались вдвоем. Тетка заломила руки и закричала:

– Это что ж творится? Родную вытуривают! Вышвыривают! Совсем стыд потеряли! Я к вам сначала на мотоцикле, потом на автобусе, электричке, поезде перлась. В Москве пришлось такси взять. Денег за это срезали – у нас на такую сумму месяц жить можно! А в вашей Москве проклятущей дороговизна!

Я молча слушала гневную тираду. Да, в столице иные цены, нежели в провинции, но так же обстоят дела и в других странах. В глубинке жизнь дешевле. И в Москве есть много такого, что не нравится коренным горожанам. Ну, например, неприлично высокие цены на парковку, засилие гастарбайтеров в ряде районов. К сожалению, жители бывших союзных республик не всегда вежливо себя ведут, часто стараются дать понять окружающим, что они тут хозяева. Не радует постоянная смена плитки на тротуарах, не приводят в восхищение курьеры на велосипедах и люди на электросамокатах. Те, кто пользуется сегвеем, часто несутся по тротуарам сломя голову. Но это наш родной город, он содержится на налоги москвичей. Если кому-то здесь не нравится, этот кто-то может вернуться в свои родные пенаты. На мой взгляд, неприлично приезжать в гости и говорить хозяевам: «У вас тесно в квартире, грязно, готовите невкусно, одежду уродскую покупаете». Положа руку на сердце, ответьте, долго вы будете терпеть такого приятеля или родственника? Небось, живо выгоните вон.

– Меня крестили в Хомяково, – объявил Степан, возвращаясь в холл. – Крестную звали...

– У вас телефон звонит, – перебила я Степана, обращаясь к тете Муре.

Тетя Мура вытащила из кармана мобильный.

– Алло, алло, алло! Кто там? Чего надо? Виктор Петрович? Ой, меня вон гонят! Веником вышвыривают, типа неродная. Держи!

Последнее слово адресовалось Степану, которому незваная родственница сунула в руку трубку.

– Добрый день, – начал Степан. – Так, ага, ясно. Понял. Вы опрометчиво действовали. Следовало заранее предупредить. Даже не знаю, как реагировать. Нет, ни малейшей радости не испытываю. Подумаю. Не обещаю. Это могу. Хорошо.

Степан вернул гостье телефон и повернулся ко мне.

– Беседовал с председателем сельсовета Хомякова. У них уже обеденное время. Думаю, тетя Мура просто не перевела часы. Зовут ее Надежда Андреевна Круглова, женщина и в самом деле моя крестная. Приехала увидеть свою дочь Катю. Та живет в Москве, не желает общаться с мамой.

– Почему? – проявила я неуместное любопытство.

– Данную информацию мне не сообщили.

Надежда Андреевна села на пуфик, который у нас стоит возле вешалки, и запричитала:

– У соседки справа, Светки, шестеро детей, пятеро ушлепки, а последний, Кирюшка, магазинами по всей области владеет. Мать к себе взял, в шикарном доме поселил, одел, обул. Светлана устроилась лучше царицы. У Нинки – она слева живет – четыре девки. Одни две пьяницы, другие квартиры в городе купили, к маме раз в неделю прикатывают, все привозят. Нинка ни в чем не нуждается. Зачем детей помногу рожают? Да чтобы хоть один хороший получился, в старости маму любил. А у меня единственная Катя...

Тетя Мура опустила голову.

Я посмотрела на ее пальто, сшитое по моде прошлого века. У Раисы, которая воспитывала меня в детстве, имелось похожее. Тетка целый год копила рубли, отказывала себе даже в маленьких радостях, даже одной мармеладки к чаю не брала в день получки. И под Новый год купила обновку из драпа темно-коричневого цвета, на ватине. Обшлага рукавов и воротник оторочены мехом, который успешно прикидывался норковым. На самом деле это кролик, но ведь он тоже красивый и даже вблизи прямо норка. Можно, конечно, найти вариант подешевле, где даже и зайцем не пахнет, просто вязанный из шерсти воротничок. Но зимнее пальто покупается раз, ну два за жизнь, поэтому лучше

подкопить и взять роскошное, с длинноухим под норочку. Обновку Раиса берегла, надевала лишь по особым случаям. Сгребать снег с тротуаров выходила в ватнике, в магазин бегала в старом полупальтишке. Шли годы, Раиса часто говорила: «Сегодня мокрый снег идет, новое пальто пусть дома висит. Еще промокнет...» И вот сейчас передо мной стоит тетя Мура в таком же пальтишке.

Я перевела взгляд вниз, увидела черные ботинки на «манной каше». Такие тоже были в моде много лет назад. В глаза бросился чемодан – похоже, он помнит первое нашествие половцев на Русь в тысяча шестьдесят первом году. И сумка...

В горле возник горький ком, к глазам подступили слезы, я защебетала аки соловушка:

– Дорогая тетя Мура! Уж извините, долго вас расспрашивали, но мы с вами незнакомы, хотели узнать, кто к нам в гости прибыл. Раздевайтесь, умывайтесь, сейчас завтракать сядем.

– И вы нам все за столом расскажете, – без особой радости прибавил Степан.

Глава 7

Сначала гостя пришла в восторг от горячих бутербродов с сыром. Потом ей очень понравился капучино.

– Может, еще чашечку? – предложил Степан.

– Да, – радостно согласилась Мура и тут же охнула: – Наверное, дорого!

– У нас абонемент на напиток, – лихо соврала я, – платим совсем мало, а пьем, сколько хотим.

– Тогда угощусь с удовольствием, – обрадовалась Надежда. – Уж простите, может, есть чего ненужное из еды? Макарошки кто не доел...

Я встала.

– Сварю вам свежие.

– Это Кларе, – прошептала Мура, – мы вдвоем прикатили, в сумке сидит!

Гостья взяла свой ридикюль, который поставила около стула, расстегнула молнию. Из кошелки высунулась мордочка кошки.

– Клара очень аккуратная, только на газетку ходит, мебель когтями не точит, не царапается, ласковая, – зачастила Мура. – Одну не бросить. К сумке привыкла, спит смирно, ест, что дадите.

– У меня есть кошачьи консервы, – улыбнулась я. – Маша, соседка, иногда оставляет нам своего Василевса, кота Васю. А он только из банок ест. Сейчас посмотрим, как Клара к курице с рисом и овощами отнесется.

Когда миска с любимым кормом Васи оказалась около кошечки, та сначала с удивлением уставилась на емкость, затем наклонила мордочку, и... курятина исчезла.

– Клара чемпион по скоростному поеданию, – засмеялся Степан. – Впервые вижу животное, которое за секунду укладывает в себя немаленькую порцию. Вы хотите найти свою дочь? Как, говорите, ее зовут?

– Катя, – тихо ответила Надежда.

Степан улыбнулся.

– Понадобятся отчество, фамилия, возраст.

– Круглова Екатерина Ивановна, двадцать один год, – быстро уточнила Мура. – В пятнадцать она подалась в Москву и как в воду канула.

Степан взял трубку.

- Кирюша, сейчас сброшу тебе данные, найди, что есть на девушку. И телефоны!

Потом он положил мобильный на стол.

- Вы давно не виделись?

Надежда откинулась на спинку стула.

- Господь Катьке ума не дал, трудолюбием тоже не наградил. Ничего делать не хотела, только наряжаться да у зеркала вертеться. В огород палкой не загонишь. Попросишь двор подмести – метлой два раза взмахнет, и все. Уроки делать только после скандала начинала. Тройки ей в школе ставили лишь потому, что при двойках в четвертях надо на второй год оставлять. А никому из учителей неохота было с ней возиться. Ждали все, когда Катька аттестат за девятый класс получит и школа вздохнет свободно. Когда... когда...

Мура опустила голову.

- Пятнадцать лет дочке стукнуло, она попросила ей платье на выпускной справить. Гордиться нечем, оценки позорные, но я решила: пусть праздник и у лентяйки случится. Взяла деньги, которые копила на стиральную машину, повезла строптивницу аж в областной центр. Зашли в торговый центр, у меня глаза на щеки выпали. Цены-то какие! А Катька недовольна, ни один фасон ей не подходит. Ходим, смотрим. Потом потеряли друг друга, я испугалась, начала бегать по лавкам. И вдруг вижу – девка в кафе с мужиком сидит. Налетела на парня, а он вынул удостоверение: «Я скаут модельного агентства. Предлагаю Екатерине работу. Она редкая красавица и умница! Блестящую карьеру сделает».

Надежда издала смешок и повторила:

- «Красавица!» «Умница!» А то не понимаю, на какую службу юную сладкую малинку зовут. Велела Кате уходить, а та ни в какую! Убежала от меня! Искала ее, искала, плюнула! Села на вокзале, жду шалаву. Не в первый раз она удирает. Погуляет – вернется. Но нет! Пропала девочка! И ни слуху от нее, ни духу! Больше пяти лет прошло, а от дочки ни весточки. Мобильный она в тот день, когда смылась, сразу отключила. По улицам нашим хожу, глаз не поднимаю – перед людьми стыдно. Оно, конечно, в каждом доме свои погрешности. У Полины

Ивановны супруг алкоголик, а она директор школы! Но все мужики пьют. Обычное это дело, не позорное. Вот дочь-шлюха только у меня! Люди судачат! Позор на мою голову! А недавно совсем беда случилась! Господи! Арина Будина в Москву отправилась, сын у нее там в университете учится. И привозит баба из столицы подарок! Журнал!

Гостья порылась в сумке, вынула сначала хорошо поживший мобильный, потом помятый журнал и пробормотала:

– Жуть иноземная! А куда деваться? Теперь только такая пресса. О! Любуйтесь!

Гостья положила на стол глянцевое издание. На обложке красовалось фото девушки, которую на первый взгляд нельзя назвать красавицей. У нее нет пухлых губ, тонкого носа и красиво сделанных бровей. Мимо такой девушки пройдешь и не заметишь. Но ее глаза... Огромные, в пол-лица, ярко-синего цвета – они смотрели на мир с выражением чистой детской радости, восторга и счастья.

– Модель весит меньше Вилки, – пробормотал Степан, – костей много, мясо отсутствует. Одета в белые брюки, черные сапоги жокея. Еще майка-«алкоголичка» и классический пиджак, накинутый на одно плечо. Волосы роскошные, копна кудрей! И, похоже, локоны весят больше их хозяйки. Талия такая, что прямо сейчас ее владелица переломится.

– На пятой странице статья, – прошептала гостья.

Муж начал читать вслух текст:

– «Восходящая звезда мировых подиумов Мэри Мур в этом сезоне нарасхват. Она занята в показах лучших модных домов и обладает удивительной работоспособностью. Утром Мэри в Париже, где у нее квартира на бульваре Сен-Жермен, вечером в Риме, ночью перелет в Токио, оттуда через сутки в Лондон, затем ее ждет Нью-Йорк. “Мэри удивительна, – поделился с нами Стив, агент Мур. – Она не пьет, не курит, не заводит любовников. Дисциплинирована, ответственна. Мэри родилась в России и никогда не видела своих родителей. Малышку подкинули на порог сиротского приюта. Когда Мур исполнилось пятнадцать лет, я случайно увидел ее в супермаркете провинциального города. Девушка мыла пол. Пришлось остановиться, чтобы не испачкать уже чистую

плитку. Уборщица выпрямилась, посмотрела мне прямо в лицо, а я утонул в ее прекрасных глазах. Она сказала: “Идите спокойно, наводить чистоту – моя забота”. Я схватил девушку за руку: “Меня зовут Стив, я скаут одного из самых крупных модельных агентств. Если родители позволят, ваша жизнь с этой минуты резко изменится. Вас ждет успех на мировых неделях моды. У меня наметанный глаз”. – “Я сирота, – ответила Мэри, – сама за себя отвечаю. Верю вам. Пойдемте”. Она воткнула швабру в ведро, сняла темный халат, бросила его на пол. Мур в одну секунду отринула мир, в котором жила, и без всякого страха отправилась туда, где ее ждали слава и деньги. Через неделю мы улетели в Париж, а спустя сорок дней фото Мэри Мур украсило обложку одного из самых известных журналов мод. Путь от поломойки до фэшн-иконки Мэри прошла... нет, пробежала, пролетела – за пару месяцев. Добрый Господь наградил ее за кроткий нрав, доброту и смелость. Сейчас Мэри щедрый благотворитель, она помогает российским детдомам”».

Степан отложил телефон.

– Вы уверены, что на фото ваша дочь?

Глава 8

Надежда заморгала.

– Конечно. Хотя она тут разодета не по-человечески, причесана неаккуратно, лицо измазюкано, но все соседи ее вмиг узнали. И примета на месте. Видите родинку на мочке уха?

Мы с мужем кивнули. Тетя Мура покопалась в своем телефоне и вернула его на стол со словами:

– Снимок сделан в магазине, когда мы искали наряд на выпускной. Катя захотела это платье. Но разве можно разрешить девочке в разврате на людях показаться?

Я бросила взгляд на снимок. На хрупкой, почти бестелесной фигурке красовалось короткое платье. Оно открывало бесконечные ноги, подчеркивало очень тонкую талию, обтягивало аккуратную грудь. На лице подростка не было ни грамма косметики, копна волос стянута в хвост. Но глаза! Они горели неземным светом!

- Следовало поприличнее найти, - бурчала гостья, - длиной ниже коленок. Конечно, не разрешила ей на людях позориться.

- Такие ноги грех прятать, - улыбнулся Степан.

- Все мужики одинаковы, - заметила Надежда. - Не платье, а бордель! Ясно, что мы его не взяли. Стыд и позор в таком на выпускной прийти! Молодежь нынче все тормоза потеряла! Кабы я на эту шмотку при моем покойном теперь папеньке просто поглядела, взял бы Андрей Петрович вожжи да надавал мне по заднице, чтобы глаза на одежду для гулящих баб не пялила и на себя мысленно ее не примеряла. В интернете написали, что Мэри... Тьфу, надо же было имя свое красивое переделать! И фамилию придумала - Мур! Кошка, что ли?

Степан отвернулся к окну. Я поняла, что у нас с мужем сейчас в головах мелькнула одна мысль: Надежду называют тетей Мурой, а ведь она не ходит на четырех лапах, не обладает хвостом. Вероятно, Катя скучает по маме, но домой возвращаться не собирается. И понятно, почему. Летать по свету, получать хорошие деньги ей нравится намного больше, чем подметать двор в селе Хомяково.

- Она вечером в музее на этой э... э... - продолжала наша гостья, - как мясо называется...

- Отбивная? - подсказал Степан.

- Нет, - отмахнулась гостья.

- Эскалоп? - предположила я.

Ощувив, как кто-то трогает меня за ногу, посмотрела вниз и увидела Клару. Кошечка встала на задние лапки, подняла передние. Я поняла, что животное

хочет залезть на ручки, и подняла Клару. Та вмиг свернулась клубком на моих коленях и громко заурчала.

- Котлета? – продолжил Степан. – Бефстроганов?

- Да нет, нет, – пыталась вспомнить нужное слово гостя. – Филе! Вот! Сегодня в музей филе Катя приедет. Отправлюсь туда!

- Подождите, – тихо произнес Степан. – Вы, наверное, не в купе ехали?

- Что я, миллионерша – в купе кататься, – засмеялась тетя Мура. – В плацкарте, боковая полка. Она самая дешевая.

- Думаю, не выпались.

- С детства приучена не дрыхнуть долго, – насупилась гостя, – не барыня.

- Иногда приятно себя побаловать, – улыбнулась я. – Мы сейчас уедем по делам, вас с Кларой оставим на хозяйстве.

- Выясню все про дефиле в музее, – пообещал мой муж, – и Вилка с вами туда поедет.

Я помахала рукой.

- Вилка перед вами.

- Не могли человека так окрестить, – отрезала тетя Мура. – Не слышала ни разу про святую с подобным именем!

- Жена по паспорту Виола, – объяснил Степан.

- Есть дева мученица, святая Виола из Вероны, – кивнула Надежда. – Еще святая великомученица Виола Персидская. Но они не православные, католические. Не мог батюшка так вашу супругу крестить! Или она католичка? Не подумайте, что осуждаю, я всех уважаю – мусульман, буддистов и прочих тоже.

Мне никогда не приходило в голову поинтересоваться у тети Раисы, кто, где и как крестил меня. Скорее всего, меня в младенчестве не носили в церковь.

Степан сменил тему беседы:

- Тетя Мура, останетесь на хозяйстве?

- Если просите, конечно, - согласилась женщина. - Ступайте по делам, пригляжу за всем!

- Вот и хорошо, - кивнула я. - Мы тогда спокойно делами займемся.

- Позвоните мне, скажите, во сколько из дома выходить, - попросила Надежда.

- Сейчас. - Степан взял телефон. - Кирюша, вроде сегодня в музее моды дефиле с участием Мэри Мур. Мне нужен контакт ее агента Стива. Отлично, жду!

В офис мы приехали через полтора часа. И тут же получили от Кирилла всю информацию.

- Начало в семь вечера. Сумеешь проводить Надежду на мероприятие? - спросил у меня муж.

- Наверное, нужно приглашение или билет, - предположила я.

- Сейчас организую, - пообещал Степан.

- Адрес Ильи Самсонова сбросил на «Вотсапп», - сообщил Кирилл.

- Поняла, - кивнула я, - сейчас позвоню мужчине.

- Уже договорился с ним, - остановил меня Кирилл. - Самсонов дома работает. Сказал: «Пусть ваша сотрудница приходит в любое время». До его дома пешком за пять-семь минут дойдешь, на машине будет намного дольше.

- Давай адрес, прямо сейчас отправлюсь, - обрадовалась я.

– Потом новую книгу напишешь, – зашептал Кирюша. – Хочется, чтобы там появился детектив Кирилл – высокий, красивый. Девушки вокруг него пачками падают, он владеет всеми видами оружия и...

– И таскает за собой на веревке пушку, – засмеялся Степа. – Вилка, ступай к Илье.

На улице дул пронизывающий ледяной зимний ветер. Я натянула на голову капюшон и побежала по тротуару. В Москву тепло приходит не раньше апреля. Тетя Раиса, подметая в первый весенний месяц двор, всегда приговаривала: «Пришел марток – поддевай трое порток».

Клацая зубами от холода, я домчалась до нужного дома, влетела в подъезд и обрадовалась теплу. Нужная квартира находилась на первом этаже слева от лифта.

Дверь приоткрылась, высунулся мужчина.

– Виола?

– Да, – кивнула я. – А вы Илья Михайлович?

– Он самый, – согласился хозяин. – Заходи.

Я вступила в темный коридор.

– Ща тапки найду.

Я остановила хозяина:

– Спасибо, свои принесла.

– Разумно, – похвалил меня владелец квартиры. – Чужие тапки лучше не брать. Кругом микробы, можно заразу подцепить. Знаешь, какие болячки в чужой обуви живут? Сейчас расскажу!

Повествуя о разных страшных недугах, Самсонов провел меня по длинному коридору и толкнул одну из дверей. Я оказалась в кухне и решила начать разговор с похвалы интерьеру.

– У вас уютно!

– Спасибо на добром слове, – обрадовался Самсонов. Поставив передо мной фаянсовую кружку с напитком почти черного цвета, Илья сел за стол и поинтересовался:

– Зачем я понадобился вам?

– Вроде вы знали Зинаиду Яковлевну, – начала я.

– Ефимову? – уточнил хозяин.

Я кивнула.

– Чтоб ей вечно в аду сидеть! – покраснел Самсонов. – Такая стерва! Уж простите за слово, но иначе не назвать.

– Можете рассказать, почему до сих пор злитесь на покойную женщину? – осторожно спросила я.

Мужчина вмиг потерял любезность.

– Зачем вам это знать? Давно дело было!

– Зинаиду отравили, – продолжила я, – и...

– Вот и славно, – перебил Самсонов. – Знаю, что ее на тот свет спровадили. Молодец, Валька. Невестка жабе за всех отомстила. Жаль, что Змея Горыныча в живых оставила!

– Змея Горыныча? – переспросила я.

– Мужа Зинаиды, – пояснил Илья. – Тихий такой был, скромный, бочком ходил, всем улыбался. Увидит кого из соседей во дворе или на улице – поет соловьем: «Доброго денечка, счастья тебе, радости». Прямо весь такой расчудесный, что аж противно. Ты ела когда-нибудь хлеб с вареньем, медом, сгущенкой, патокой, шоколадом, да еще сверху густо так сахарным песочком посыпанный?

Я поморщилась.

– Нет. Подобный сэндвич не для меня.

– А Николай Петрович был таким бутербродом, – продолжил Илья. – Сначала Ефимов нравится, потом от него блевать тянет. Сю-сю-сю! Всегда полные карманы леденцов у мужика, он их всем раздавал, не только детям. Жильцы наших домов его считали добряком и тем дядькой, который под каблуком у своей железобетонной супруги находится. Но поверь, все наоборот – главным в семье был слащавый, противный, как кем-то обсосанный леденец, дедушка Николушка, – на одном дыхании выпалил Илья. – Муж и жена – одна сатана. Это про Ефимовых. Но одна сатана в этой паре на порядок злее другой. Как думаешь, кто?

Глава 9

– В начале нашей беседы без сомнений ответила бы, что Зинаида Яковлевна, – призналась я, – но после ваших слов про леденец... Вы, похоже, здорово обижены на Ефимову.

– Оскорбление мешает объективно оценивать положение вещей, – заметил Самсонов. – Я сначала хотел разорвать в клочья Зинаиду. Помчался к ней в логово...

Илья примолк, потом смахнул со стола ладонью крошки.

– Что вы про Ефимовых знаете?

– Почти ничего, – ответила я.

Самсонов встал и направился в коридор со словами:

– А у меня полное досье, сейчас принесу.

Отсутствовал он недолго, вернулся с толстой папкой в руках и продолжил:

– Дело, значит, такое. Я краснодеревщик, но непростой, работаю с антиквариатом и...

Самсонов на секунду замолчал.

– Пошли, лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать.

Не выпуская папку из пальцев, хозяин повел меня по коридорам. Мы шли и шли. Апартаменты казались бесконечными.

– Сколько здесь комнат? – любопытствовала я на очередном перекрестке.

– Десять, – вздохнул Илья. – Восемь заперты, не захожу в них. Мне двух хватает. Ну и мастерская. Вот, дотопали.

Самсонов открыл дверь, и я изумилась.

– Ну и ну! У вас прямо мебельная фабрика!

– Упаси Господи производить современные «дрова», – опять рассердился Илья. – Сейчас одно уродство мастерят. Посетил недавно выставку мебели. Мать Божья! Стол на комариных ножках, гардероб со стеклянными дверками. Как таким пользоваться? Мне дизайнер ответил: «Главное – красота интерьера!» Во дурак! Главное – функциональность и качество! Этот любитель красоты свои изделия из пластика мастерит. На мыльницы они смахивают. А в прежние времена уважали дерево, ковку... Лабуда современная быстро трескается, разваливается. А та, что дубовой прикидывается, только издали красивая, под шпоном у нее опилки прессованные. В музеях, которые в усадьбах дворянских расположены, какая обстановка? Стулья, столы, кровати из дуба, комоды из карельской березы. Я частый гость в Марфо-Мариинской обители милосердия,

там, в приходском доме, мебель времен Святой Елисаветы Феодоровны, основательницы монастыря. Буфеты! Глаз не оторвать! Дверки не скрипят, резьба роскошная. Вот это мебель! Она для человека и удобная, и красивая!

Илья положил папку на стол.

– Вот я и задумал открыть фирму реставрации настоящей обстановки, не фуфляндии на комариных ногах. Деньги имелись – я экономный, работающий, рублями не разбрасываюсь. Собрал сумму, но не хватило ее. Решил обратиться к Панкратову. Филипп Михайлович – богатый благотворитель, фанат антикварной мебели. Я подумал, что он точно моим проектом заинтересуется, вложится. А как подход к нему найти? Поискал в интернете контакт, нашел телефоны, по всем номерам секретари отвечают, не допускают шваль к хозяину. Пожаловался маме, она посоветовала обратиться к Зинаиде. Дескать, это ее бизнес – соединять тех, кто друг другу нужен. Ефимова с меня взяла хорошую сумму, пообещала через неделю личный мобильный Панкратова раздобыть. Семь дней превратились в четырнадцать. В конце концов получил номер, договорился с Филиппом, приехал к нему. Он меня выслушал. «Парень, где ты раньше был? Вчера я подписал контракт на производство – точь-в-точь то, что ты предлагаешь». Я обомлел: «Кому ж идея в голову пришла?» «Секрета нет, – заявил Панкратов, – не военно-промышленный комплекс. Леонид Ефимов ко мне обратился. Знаешь такого?»

Самсонов стукнул кулаком по столу с инструментами.

– Как тот ферт про мой проект узнал? А? Никому, кроме мамы и Зинки, о нем не сообщал. Фамилия Леонида какая?

– Вы сказали, что он Ефимов, – ответила я.

– Ага. Леонид Олегович, – покраснел хозяин. – Двоюродный брат угадай кого!

– Понятно, – пробормотала я.

– Он столяр, – продолжил Илья. – Сто-ляр! До краснодеревщика ему год лесом шагать, а до меня вообще никогда не добраться. Я от злости воспитание потерял, пошел с Зинкой разбираться. Она мне наврала, что телефон долго искала, родственничек без нее на Панкратова вышел. Очень захотелось ей в

морду дать, с трудом сдержался, потребовал: «Верните деньги!» Она дурой прикинулась: «Какие?» Отличный вопрос. Те, что у меня за телефон срубила! Как думаешь, отдала она сумму?

– Вряд ли, – предположила я.

– И чем мотивировала?

– Набор цифр Зинаида сообщила, значит, выполнила работу, – ответила я. – Наверное, вы договор не подписывали, срок исполнения четко не оговаривали.

– Верно, – вздохнул Илья. – Обула меня, дурака, на хорошую сумму, братцу-криворучке проект на блюде подала. Да не в коня корм. Через некоторое время Филипп сам мне звякнул, объяснил, что с Ленькой работать невозможно, он испортил комод семнадцатого века и шкаф времен Пушкина. «Приходите ко мне, Илья Михайлович, следовало сразу с вами дело иметь». Вот так все на нужные места встало. А Зинка – про таких народ пословицу сложил: плюнь ей в глаза – скажет, божия роса. Иду один раз к метро – Ефимова навстречу, увидела меня: «Илюшенька, добрый день тебе». Ну, словно мы с ней родня близкая. Я-то думал, она смутится, на другую сторону улицы перейдет, чтобы с тем, кого обманула, не пересечься. Нет! Ведет себя Зинаида так, словно мы лучшие друзья. Следовало мне молча мимо прошагать. А я, дурачок, не выдержал, речь толкнул: «Одного не понимаю. Ты мою маму знала, вроде, в молодости вы дружили. Потом, правда, перестали. Я тебе не чужой человек. Да если даже и чужой! Как ты на литургии стоишь? Под причастие подходишь? Как живешь, если людей беззастенчиво обманываешь? Бога не боишься?» Она зашептала: «Я к тебе по-хорошему, поздоровалась ласково. Сделала вид, что не помню, как ты на меня, на женщину, орал. А ты опять за свое? Не желаешь мириться, а ведь сам виноват. Мне же неприятно с соседями в контрах состоять! Простила тебя!»

Самсонов показал на диван.

– Садись, в ногах правды нет.

– Думала, в мастерской все антикварное, – ответила я.

– Не в музее стоим, – отмахнулся мой собеседник. – Кушетка отреставрирована, еще сто лет без проблем ею пользоваться можно. Давай, устраивайся. А я здесь

приземлюсь.

Хозяин опустился в кресло, я села на софу.

– Удобно как! Вроде, мягко, но не проваливаешься, спине хорошо и есть куда руки положить.

– Старые мастера думали о человеке, а не об интерьере и гонораре, – кивнул владелец бескрайней квартиры. – Я Зинаиде в лицо свое мнение решил высказать: «Оставь меня в покое. Получила деньги за телефон, которым поделилась после того, как твой двоюродный брат договор подписал. Вроде выполнила работу. Но, по сути, обхитрила меня, дурака. Да только у Ленки твоего руки даже не к заднице, а к пяткам пришиты. Филипп живо понял, что за гений у него в компаньонах, турнул неумеху, со мной созвонился. Неприятно, что ты меня обманула, но я не в обиде. Не надо греха на душе. Прощаю тебя, Зинаида. Знаешь, что такое простить человека? По-нашему, по-церковному? Не по-мирски? Это не начинать с ним дружить, не устраивать совместные чаепития, не ходить в гости, не целоваться взапас. Это вежливо здороваться при встрече, перекидываться парой слов о погоде. А на Страшном Суде Господь тебя спросит: “Зинаида, объясни, зачем Илью обидела?” Ты растеряешься – как Иисусу в глаза сообщить, что денег так хотела, что про порядочность и любовь к ближнему навсегда забыла? И тут я руку подниму: “Господи, не наказывай Зинаиду, не ведала она, что творила. Я ее давно простил, и Ты, сын Божий, прояви милосердие”. Вот это, Зинаида, настоящее прощение – когда человека от геенны огненной избавляешь, несмотря на то, что он подлость тебе сотворил». И тут она объявила: «Умирать мне не скоро, не прямо на этой неделе. Я здорова. А если кого обидела, то меня все простят». Черт меня дернул за язык вопрос задать: «Семидневки хватит, чтобы каждый тобой обманутый мог сказать, что не сердится на тебя». – «Я, на самом деле, всем только добро приношу», – объявила Ефимова. Не поверил ей! Нельзя быть немного подлой. Небось, многих обдурила. А баба объявила: «Предлагаю тебе мир и хорошие отношения».

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Евангелие от Луки 4:9,10. «Если Ты Сын Божий, бросься отсюда вниз. Ибо написано: Ангелом своим заповедает о Тебе сохранить Тебя».

Купить: <https://telnovel.com/darya-doncova/tort-ot-yabedy-koryabedy>

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)